

УДК 008+316.3(=512.31)**Реализация культурных и политических форм концепции
панмонголизма бурятской интеллигенцией****Амгаланова Мария Викторовна**Кандидат культурологии,
доцент,Восточно-Сибирский государственный институт культуры,
670031, Российская Федерация, Улан-Удэ, ул. Терешковой, 1;
e-mail: amgalanova@rambler.ru**Аннотация**

1917-1922 годы стали переломными для всей страны, в том числе и для Бурятии. Объективно большинство представителей бурятской интеллигенции приняли Октябрьскую революцию не только как свершившийся факт, но и содействовали через свою общественную и просветительскую деятельность показу, что нового и прогрессивного она принесла в жизнь простых аратов, в их социально-культурные отношения. Идеи и попытки реализации концепции панмонголизма бурятской национальной интеллигенцией осуществлялись изначально в культурных формах, лишь позднее в условиях гражданской войны, иностранной военной интервенции приобрели политический подтекст, но и в том и в другом случае они предполагали масштабные изменения, не вписывающиеся в концепцию путей культурного и политического развития Советского государства и Бурятии в его составе. На первом республиканском культурно-национальном совещании (Верхнеудинск, 19.09.1926) была дана принципиальная марксистско-ленинская оценка вредному буржуазно-националистическому уклону. С этого времени в условиях гиперцентрализации власти деятельность дореволюционной бурятской интеллигенции на все последующие десятилетия стала пониматься как контрреволюционная и концептуализироваться в таких идеологемах как «буржуазный национализм», «панмонголизм» и потребовала осуществления репрессий в их отношении. В современных социально-гуманитарных исследованиях немало спорных моментов по вопросам национализма и панмонголизма продолжают оставаться актуальными. Сегодня в условиях смены научных парадигм требуется рассмотрение панмонголизма в контексте культурной и политической доктрины, которым посвящена данная статья.

Для цитирования в научных исследованиях

Амгаланова М.В. Реализация культурных и политических форм концепции панмонголизма бурятской интеллигенцией // Культура и цивилизация. 2017. Том 7. № 6А. С. 208-215.

Ключевые слова

Культура, политика, Бурятия, панмонголизм, интеллигенция.

Введение

В современных исследованиях истории и культуры советского периода одними из самых острых и противоречивых вопросов продолжают оставаться «почему, когда и как произошел отход от идей «светлого будущего», стали возможными попрание прав и свобод человека... был организован репрессивный аппарат» [Уйманов, 2012, 5]. В.Н. Уйманов отмечает, что репрессивная политика Советского государства начала складываться в 20-е годы прошлого столетия в условиях становления тоталитарного режима и развернувшейся в стране политической борьбе за власть [Уйманов, 2012, 9].

В проводимой государственной репрессивной политике не стала исключением и Бурят-Монгольская АССР, в которой было репрессировано около 20 тысяч человек разных групп и слоев [Цыжилов, 2006]. Особенно тяжелые потери в Бурятии понесла национальная интеллигенция, представители которой были прогрессивные, высокообразованные люди, искренне стремившиеся к возрождению бурятского народа и его культуры, в целом принявшие советскую власть.

Основными обвинениями стали перестройка карты Бурят-Монголии, определение дацанов как культурных центров республики, связь с ламством, контрреволюционная и шпионская деятельность. Наибольшую группу из числа репрессированных составляли представители так называемой «панмонгольской, контрреволюционной, повстанческо-диверсионной, вредительской организации». По этому «делу» на 15 февраля 1938 года было арестовано 2026 человек, в том числе 1303 ламы [История Бурятии, 1993, 64]. В 1930 году ОГПУ УНКВД БМАССР начала разработку бурятских националистов. «По материалам разработки, которая называлась "Реванш" и значилась под № 404, 8 июня 1937 года УНКВД БМАССР была составлена итоговая сводка, где значилось 438 человек, в том числе 81 человек видных партийных и беспартийных работников республики» [Цыжилов, 2006, 117]. Дела представителей национальной интеллигенции были выделены в отдельную группу, «чтобы показать особую изощренность панмонголистов в борьбе с Советской властью, идеологическую масштабность буржуазных националистов... которая в дополнение ко всем своим грехам еще занималась и вредительством на фронте культурного строительства» [Базаров, 1995, 79-80].

Понятие «панмонголизма»

Идеология панмонголизма является одной из паннациональных идеологий, таких как панславянизм, пангерманизм, панисламизм и т.п. Панмонголизм представляет собой социокультурный феномен, научный и общественно-политический интерес к которому связан с представлениями философа Владимира Соловьева («Национальный вопрос в России», СПб, 1988) о некоей абстрактной «желтой опасности» Европе из Азии, а также с «имперскими планами России о необходимости создания буферной зоны между Байкалом и Тихим океаном – "Желтороссии" на рубеже XIX-XX вв., способной защитить европейскую часть империи от "желтого" нашествия и, наконец, поражением России в русско-японской войне 1904-1905 гг.» [Курас, www]. Однако, как консолидирующей национальной идее панмонголизму, в отличие от иных подобных идей, изначально был придан негативный характер. «Из явления социального и культурного превратился в явление политическое, которое противоречило государственной доктрине, официальной идеологии, укладу жизни и миропониманию великорусской нации» [Курас, Бабаков, 1997, 33].

Под «панмонголизмом» понимается идея единства монгольских народов, интеграция в монгольский мир. Разные исторические эпохи демонстрируют неоднократные попытки культурного или социально-политического объединения монгольских народов, однако удалось это лишь Чингисхану, который создал мощную Монгольскую империю. Доктрина панмонголизма явилась важной частью национального самоопределения бурят и национально-культурного строительства на основе единой религии, истории, литературного языка, изначально не предполагавшая ничего контрреволюционного. Ц. Жамцарано первым ввел в научный оборот и общественно-политический дискурс дефиницию «культурный панмонголизм» [Жамцарано, 1907], понимая сближение монгольских народов на основе единой культуры и дальнейшее развитие этой единой культуры. Для А. Доржиева, Ц. Жамцарано, Э.-Д. Ринчино, Б. Барадина, М. Богданова и других идеи панмонголизма стали концептуальными в вопросах возрождения бурятского народа, сохранения его идентичности, культуры, религии, языка.

Реализация концепции панмонголизма

Великая октябрьская социалистическая революция стала одним из крупнейших политических событий XX века, изменившим ход истории России. Для одних октябрьская революция стала национальной катастрофой, приведшей к гибели Российской империи, гражданской войне, установлению тоталитарной системы правления. Для других – она явилась прогрессивным актом, позволившим выбрать некапиталистический путь развития и устранить патриархальные пережитки в регионах.

Бурятия находилась на окраине Российской империи, была аграрным краем, а социально-экономическая ситуация была достаточно тяжелой. Но уже первое послереволюционное десятилетие характеризуется значительными изменениями в традиционном укладе и достижениями во многих областях культуры. Такими достижениями, безусловно, являются ликвидация неграмотности, создание системы образования, в том числе и художественного, формирование профессиональных отраслей художественной культуры, создание национальной письменности, литературного языка и многое другое.

С другой стороны, с первых дней установления советской власти большевиками проводилась планомерная политика по борьбе со «старым» миром и за утверждение «нового». Однако в геополитических условиях Бурятии и в целом Восточной Сибири эта борьба осложнялась иностранной военной интервенцией и гражданской войной. Бурятия, вовлеченная в сложные международные и внутренние политические процессы, была разделена на две части, восточная часть которой вошла в состав Дальневосточной Республики, что было вынужденным шагом. Ленин подчеркивал, что «Дальний Восток, Камчатка и кусок Сибири фактически сейчас находятся в обладании Японии, поскольку, как вы знаете, обстоятельства принудили к созданию буферного государства... вести войну с Японией мы не можем и должны все сделать для того, чтобы... обойтись без нее» [Ленин, 1975, 93].

В условиях частой смены власти, политических курсов бурятские общественные деятели «всегда исходили из сложившейся на данный момент общественно-политической обстановки в регионе, и лишь затем проводили свою, порой противоречивую, политику» [Бабаков, 2012, 103]. В целом у них имелось два пути развития: в рамках Российской государственности при доминировании иноязычного большинства населения с его культурой либо в создании общемонгольской государственности с культурно родственными народами. Разваливающаяся

Советское государство в условиях военной интервенции, гражданской войны и классовой борьбы «внесли неопределенность в будущее бурятского народа и его автономии, заставили бурятскую интеллигенцию попытаться реализовать... путь обретения собственной государственности объединения монголоязычных народов» [Бабаков, 2012, 122].

В общественной и политической жизни конца 20-х – начала 30-х годов доминировал, так называемый вульгарно-классовый подход в оценке общественно-политической и культурной деятельности бурятской интеллигенции. Основным критерием для подобной оценки становилось их отношение к большевикам и их политике, не в последнюю очередь по национальному вопросу. Кроме того, руководители Бурнацкома, в частности Э.Д. Ринчино, в сложной политически неопределенной ситуации 1917-1920-х годов сделали «ставку на реализацию идеи панмонголизма при содействии Г.М. Семенова и японцев» [Шиловский, 1998, 9]. Определяющими при оценке деятельности бурятской интеллигенции становятся так называемые буржуазно-националистические и панмонгольские идеи, которые позднее стали расцениваться как «контрреволюционные действия» и стали основанием для применения репрессий.

В дореволюционной Бурятии активно обсуждались вопросы возможных путей развития бурятского народа. Идеи социокультурного единства монгольских народов, основанные на общности их исторического и культурного пути развития, отражались в политическом дискурсе бурятской интеллигенции. По мнению Ц. Жамцарано, «буряты – это маленькая часть всего монгольского народа» [Жамцарано, 1907, 16]. Так полагало большинство представителей обновленческого религиозно-философского движения, обобщенное мнение которых высказал Б. Барадин, что они «не считают бурят-монголов за самостоятельную культурную единицу, мыслят (их) в национально-языковом отношении как неотъемлемую частицу монгольской нации» [Батуев, 1991, 16]. Даже М.Н. Богданов, стоявший на позиции интеграции в европейское сообщество посредством принятия русского языка и культуры, отмечал: «В исторических преданиях бурят относительно их происхождения видно стремление обосновать единство происхождения и родство бурят с монголами» [Богданов, 1926, 2]. Возможность интеграции монгольских народов обновленцы, помимо общности исторического пути развития, единой письменности и литературы, видели в единстве буддийской религии, которая национальной интеллигенцией полагалась как «не только неотъемлемый элемент национальной культуры, но и фактор национальной консолидации» [Ширапов, 1994, 25]. С этих позиций панмонгольские идеи бурятской интеллигенцией предполагали их практическую реализацию исключительно в культурных формах.

Развитие панмонголизма как политической доктрины связано с политикой царизма по «укреплению централизованного унитарного государства путем колонизации, экономической, политической, национальной унификации окраин» [Бабаков, 2012, 4]. Практическое воплощение панмонгольских идей среди бурятской интеллигенции, по мнению Б.В. Базарова, было вызвано ростом национального движения в связи с «обострением классовой борьбы и начавшейся гражданской войной в России и исходили из неопределенности будущего бурятского народа и возможности образования автономии в рамках Российского государства» [Базаров, Жабаева, 2008, 141]. В целом национальное движение было характерно для многих регионов России в начале XX века и «представляло собой часть всероссийского демократического процесса и соотносилось с ним как часть и целое» [Базаров, Жабаева, 2008, 72]. Около 57 % населения России составляли нерусские народы, которые подвергались различным формам национального угнетения, острые национальные проблемы затронули все

сферы политических, социально-экономических, культурных вопросов, следовательно, основной целью национального движения становилось освобождение от национально-колониального гнета.

Это обусловило то, что бурятская национальная интеллигенция придавала вопросам национального самоопределения и возможного создания государственности большое значение, что носило уже политический подтекст. «Фактически речь шла о сознательном и целенаправленном преобразовании племенной среды в единую культурную и политическую общность, которая успешно вписалась бы в модернизационные процессы» [Балдано, Варнавский, 2017, 98].

В условиях кризисной социально-политической ситуации смены власти и политических курсов в период 1917-1922 годов происходит трансформация культурного панмонголизма в политический, когда «буряты решили бороться за создание общемонгольского государства» [Балдано, Варнавский, 2017, 100]. Этому способствовало то, что Временное правительство не признало бурятские органы самоуправления, считая их проявлением национального сепаратизма. Реализация идей создания общемонгольского государства начинается с работы первой панмонгольской конференции 25 февраля 1919 года в Чите, когда было провозглашено создание «Велико-Монгольского государства должнствующего объединить всех монголов от Байкала до Тибета и от Маньчжурии до Восточного Туркестана» [Майский, 1921, 261]. Радикальная бурятская интеллигенция в лице Ц. Жамцарано и Э.-Д. Ринчино попыталась осуществить это на практике. Однако идея создания такого государства оказалась утопичной, оторванной от реальной жизни, она не была поддержана ни одним государством, в том числе и Японией, а само «Велико-Монгольское государство», не успев сложиться, распалось. В 1923 году была образована БМАССР, с этого времени началось планомерное формирование единого социалистического общества на всей территории Советского Союза.

Национальная политика советского государства имела двойственный характер: с одной стороны – поддержка этнонациональных институтов и национальной элиты, а с другой – создание общесоветской общности и реализации доктрины пролетарского интернационализма. Сегодня мы можем констатировать, что большевистская национальная политика имела своей целью объединить концепции этнического национализма и социализма. При этом национальный вопрос понимался большевиками как вторичный, подчиненный классовому, поэтому главным инструментом в практике национального строительства стала большевистская идеология. Советский идеологический дискурс был призван определить «пространство чуждых и враждебных правящему режиму форм идентичности, основанных на этноцентризме и потенциально выступавших серьезным конкурентом официально допустимым формам идентичности и мешавших достижению стратегических целей Компартии» [Бурятская идентичность, www].

Правящая элита именно культуру считала важнейшей составляющей и инструментом борьбы пролетариата за освобождение и построение нового общества. Бурятская интеллигенция, напротив, полагала, что в основу формирования «новой» бурятской культуры должен быть положен аксиологический подход, базирующийся на ценностных мировоззренческих, религиозных, художественных элементах культурного наследия. Однако в становлении и развитии новой культуры был положен классовый подход, поэтому на практике создание национальной по форме и социалистической по содержанию бурятской культуры осуществлялось посредством изъятия тех элементов культурного наследия, которые официальной идеологией понимались ненужными и вредными, как «феодально-религиозные

пережитки» эксплуататорского класса. Следовательно, устранению из социокультурного пространства подлежали не только вредные элементы традиционной культуры, но и те слои общества, которые являлись их носителями и трансляторами. Дореволюционная бурятская интеллигенция стала оцениваться властью как оппозиционная социальная группа, что трагически сказалось на ее положении. Таким образом, в борьбе этих тенденций происходило формирование новой культуры.

Заключение

В целом отношение бурятской интеллигенции к Октябрьской революции было положительным. Бурятские общественные деятели революционные изменения воспринимали в контексте национального вопроса. Декларация прав народов России, принятая в 1917 году Советом народных комиссаров, отвергала угнетательскую политику царизма и Временного правительства, провозглашая равенство и суверенитет народов России. Поэтому не только бурятские коммунисты, но и представители других партий пошли на сотрудничество с Советской властью. «Великие принципы ленинской национальной политики, претворяемые в жизнь декретами Советской власти, были самыми притягательными идеями национально-демократических деятелей» [Цибиков, 2003, 55]. Однако бурятские национал-демократы выступали против большевистской гегемонии в Советах, выступали за социалистический плюрализм и, следовательно, против единовластия большевиков и их нетерпимости к инакомыслию. В условиях становления однопартийной системы и единомыслия эти высказывания однозначно стали восприниматься как антибольшевистские. Сегодня одной из основных задач в гуманитарной сфере является реабилитация незаслуженно забытых деятелей национальной культуры, включение их наследия в научно-образовательный процесс.

Библиография

1. Бабаков В.В. Национально-государственное строительство в Бурятии 1917-1919 гг. Улан-Удэ, 2012. 127 с.
2. Базаров Б.В. Бурятские национальные демократы и общественная мысль монгольских народов в первой трети XX века. Улан-Удэ, 2008. 377 с.
3. Базаров Б.В. Общественно-политическая жизнь 1920-1950-х годов и развитие литературы и искусства Бурятии. Улан-Удэ, 1995. 193 с.
4. Балдано М.Н. «Великая Монголия»: концепция политического единства и попытка ее реализации (1900-1920 гг.) // Вестник ТГУ. 2017. № 419. С. 99-108.
5. Батуев Б.Б. Базар Барадин. Штрихи к политической биографии // Неизвестные страницы истории Бурятии: Из архивов КГБ. Улан-Удэ, 1991. Вып. 1. С. 6-23.
6. Богданов М.Н. Очерки истории бурят-монгольского народа. Верхнеудинск, 1926. 234 с.
7. Жамцарано Ц. Бурятское народническое движение и его критики // Сибирские вопросы. 1907. № 24. С. 15-20.
8. Курас Л.В. «Культурный» Панмонголизм или романтики начала XX в. URL: http://www.ihism.uph.edu.pl/images/PDFs/HIS_6_2017_end/09_kuras.pdf
9. Курас Л.В. Панмонголизм как социокультурный фактор (первая четверть XX века) // Вестник БГУ. 1997. Сер. 4: История. С. 31-43.
10. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. М., 1975. Т. 42. 606 с.
11. Майский И.М. Современная Монголия. Иркутск, 1921. 261 с.
12. Намсараев С.Д. (ред.) История Бурятии. Конец XIX в. – 1941 г. Улан-Удэ, 1993. Ч. 1. 77 с.
13. Уйманов В.Н. Репрессии. Как это было. Томск, 1995. 334 с.
14. Цибиков Б.Д. Бурятские ученые национал-демократы. Улан-Удэ, 2003. 249 с.
15. Цыжипов Э.В. История политических репрессий в Бурят-Монголии. 1928-июнь 1941 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2006. 196 с.

16. Шиловский М.В. «Национальная идея» Элбек-Доржи Ринчино // Элбек-Доржи Ринчино и народно-демократическое движение в России и Центральной Азии в XX веке. Улан-Удэ, 1998. С. 9-12.
17. Ширапов Ю.С. Бурятская интеллигенция и религиозная традиция // Национальная интеллигенция и духовенство: история и современность. Улан-Удэ, 1994. 133 с.

Realization of cultural and political forms of the concept of panmongolism by the Buryat intelligentsia

Mariya V. Amgalanova

PhD in Culturology,
Associate Professor,
East-Siberian State Institute of Culture,
670031, 1 Tereshkovoï st., Ulan-Ude, Russian Federation;
e-mail: amgalanova@rambler.ru

Abstract

The period of 1917-1922 have become crucial for the whole country, including for Buryatia. Objectively, the majority of the representatives of the Buryat intelligentsia accepted the October Revolution not only as a fait accompli, but also promoted through their public and educational activities the demonstration of what new and progressive it brought to life of simple arats and their social and cultural relations. Ideas and attempts to realize the concept of panmongolism by the Buryat national intelligentsia were carried out initially in cultural forms, only later in the conditions of civil war and foreign military intervention they acquired a political overtones, but in both cases they assumed large-scale changes that did not fit the concept of the ways of cultural and political the development of the Soviet state and Buryatia in its composition. At the first republican cultural-national meeting a principled Marxist-Leninist assessment was made of the harmful bourgeois-nationalist bias. Since then, in the conditions of hypercentralization of power, the activity of the pre-revolutionary Buryat intelligentsia for the next decades has been understood as counterrevolutionary and conceptualized in such ideologies as "bourgeois nationalism", "panmongolism" and demanded repression in their attitude. In modern social and humanitarian studies, many controversial points on nationalism and panmongolism are still relevant. Today, in the conditions of changing scientific paradigms, it is necessary to consider panmongolism in the context of the cultural and political doctrine to which this article is devoted.

For citation

Amgalanova M.V. (2017) Realizatsiya kul'turnykh i politicheskikh form kontseptsii panmongolizma buryatskoi intelligentsiei [Realization of cultural and political forms of the concept of panmongolism by the Buryat intelligentsia]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 7 (6A), pp. 208-215.

Keywords

Culture, politics, Buryatia, panmongolism, intelligentsia.

References

1. Babakov V.V. (2012) *Natsional'no-gosudarstvennoe stroitel'stvo v Buryatii 1917-1919 gg* [National-state construction in Buryatia in 1917-1919]. Ulan-Ude.
2. Baldano M.N. (2017) «Velikaya Mongoliya»: kontseptsiya politicheskogo edinstva i popytka ee realizatsii (1900-1920 gg.) ["Great Mongolia": the concept of political unity and an attempt at its realization (1900-1920)]. *Vestnik TGU* [Bulletin of TSU], 419, pp. 99-108.
3. Batuev B.B. (1991) Bazar Baradin. Shtrikhi k politicheskoi biografii [Bazar Baradin. Strokes to political biography]. In: *Neizvestnye stranitsy istorii Buryatii. Iz arkhivov KGB* [Unknown pages of the history of Buryatia: From the archives of the KGB]. Ulan-Ude. Issue 1.
4. Bazarov B.V. (2008) *Buryatskie natsional'nye demokrati i obshchestvennaya mysl' mongol'skikh narodov v pervoi treti XX veka* [Buryat national democrats and public opinion of the Mongolian peoples in the first third of the 20th century.]. Ulan-Ude.
5. Bazarov B.V. (1995) *Obshchestvenno-politicheskaya zhizn' 1920-1950-kh godov i razvitie literatury i iskusstva Buryatii* [Social and political life of 1920-1950-ies and the development of literature and art of Buryatia]. Ulan-Ude.
6. Bogdanov M.N. (1926) *Ocherki istorii buryat-mongol'skogo naroda* [Essays on the history of the Buryat-Mongolian people]. Verkhneudinsk.
7. Kuras L.V. «Kul'turnyi» Panmongolizm ili romantiki nachala 20 v ["Cultural" Panmongolism or romance of the early twentieth century]. Available at: http://www.ihism.uph.edu.pl/images/PDFs/HIS_6_2017_end/09_kuras.pdf [Accessed 12/12/2017]
8. Kuras L.V. (1997) Panmongolizm kak sotsiokul'turnyi faktor (pervaya chetvert' XX veka) [Panmongolism as a socio-cultural factor (first quarter of the 20th century)]. *Vestnik BGU* [Bulletin of the Belarusian State University.], 4, pp. 31-43.
9. Lenin V.I. (1975) *Polnoe sobranie sochinenii* [Full composition of writings]. Moscow. Vol. 42.
10. Maiskii I.M. (1921) *Sovremennaya Mongoliya* [Modern Mongolia]. Irkutsk.
11. Namsaraev S.D. (ed.) (1993) *Istoriya Buryatii. Konets XIX v. – 1941 g* [The history of Buryatia. The end of XIX century – 1941]. Ulan-Ude. Part 1.
12. Shilovskii M.V. (1998) «Natsional'naya ideya» Elbek-Dorzhi Rinchino [The National Idea by Elbek-Dorji Rinchino]. In: *Elbek-Dorzhi Rinchino i narodno-demokraticeskoe dvizhenie v Rossii i Tsentral'noi Azii v XX veke* [Elbek-Dorji Rincino and the People's Democratic Movement in Russia and Central Asia in the 20th century]. Ulan-Ude.
13. Shirapov Yu.S. (1994) Buryatskaya intelligentsiya i religioznaya traditsiya [Buryat intelligentsia and religious tradition]. In: *Natsional'naya intelligentsiya i dukhovenstvo: istoriya i sovremennost'* [National intelligentsia and clergy: history and modernity]. Ulan-Ude.
14. Tsibikov B.D. (2003) *Buryatskie uchenye natsional-demokraty* [Buryat scientists are National Democrats]. Ulan-Ude.
15. Tsyzhipov E.V. (2006) *Istoriya politicheskikh repressii v Buryat-Mongolii. 1928-iyun' 1941 gg. Doct. Dis.* [The history of political repression in Buryat-Mongolia. 1928 – June 1941. Doct. Dis.]. Ulan-Ude.
16. Uimanov V.N. (1995) *Repressii. Kak eto bylo* [Repression. How it was]. Tomsk.
17. Zhamtsarano Ts. (1907) Buryatskoe narodnicheskoe dvizhenie i ego kritiki [Buryat Narodnik Movement and its critics]. *Sibirskie voprosy* [Siberian Issues], 24, pp. 15-20.